

дальних отношений процесс закрепощения основной массы византийского крестьянства также следует считать вполне завершенным. Верно то, что, в отличие от ряда стран Западной Европы и, в более позднее время, Восточной Европы, мы не видим в Византии общегосударственного акта, которым оформлялось бы крепостное право, т. е. запрещались бы свободные переходы крестьян из одного владения в другое. Но абсолютно неверно то, что документ 1244 г. является единичным, и тем более то, что он имел характер „временной“ меры. Прежде всего мы уже отмечали, что это — не первый документ, из которого можно установить запрещение перехода париков и право владельца на розыск париков, ушедших со своих участков. В этих случаях византийское правительство в эпоху Палеологов неоднократно предоставляет в распоряжение крупных землевладельцев и монастырей всю государственную машину для розыска бежавших париков и водворения их на прежние места. Такие же документы мы отмечали и для XII в., а в XIII в. они стали обычным явлением, и все хрисовулы о пожалованиях земель или грамоты, подтверждавшие прежние пожалования, неизменно говорят о неограниченном праве владельца не только на его земли, но и на прикрепленных к ним париков. Мы не знаем, существовал ли в Византии общегосударственный акт, запрещавший в общем порядке крестьянские переходы. Судя по тому, что ни в одном документе рассматриваемого нами времени о подобном акте нет упоминания, его, очевидно, в Византии не было. Но это несколько не меняет положения, и в поздне-византийское время основная масса византийского крестьянства была полностью зависимой от крупного светского и церковно-монастырского землевладения. И лишь небольшим остаткам свободного крестьянства до конца византийской истории удалось избавиться от участи зависимых париков и в таком положении перейти в эпоху турецкого господства. Именно такую картину вполне отчетливо рисуют нам для позднего времени все имеющиеся в нашем распоряжении документы, относящиеся к крестьянскому землевладению.

Много интересного материала в изучение положения зависимых париков внес опубликованный Л. Пти хрисовул монастырю богородицы милостивой, данный ему Алексеем Комнином.⁷⁷ Этот документ был оценен французским ученым Platon в его исследовании о *πρωτίμησις*.⁷⁸ Он обратил внимание на содержащуюся в документе весьма интересную формулировку: *αδίδωσι τοῖς μοναχοῖς καὶ παροίκων ἐξουσίαν ἐλευθερῶν καὶ ἀτελῶν καὶ τε στάσις ἰδίας ἐργόντων καὶ δημοτέλεσι προυποκειμένων δωδεκά; ὡς ἂν ἐργάζωνται τὴν προδωρηθεῖσαν τῇ μονῇ γῆν... καὶ δουλεύωσι τοῖς μοναχοῖς, μηδὲνα ἕτερον δεσπότην ἐπιγινώσκοντες, ἀλλὰ παντός τέλους καὶ πάσης ζημίας ἐτιδε καὶ ἀγχαρείας καὶ ἐπιρῆας ἀπὸ πηλαχμένω.*

Этот отрывок документа дает больше, чем многие другие грамоты, как современные ему, так и более позднего времени. Мы здесь встречаем совершенно отчетливое определение монастыря, как единственного владельца (*δεσπότην*) зависимых от него париков. Выражения здесь такие ясные, что не оставляют никаких сомнений в характере взаимоотношений между монастырем и его париками. Последние должны работать на монастырь (*ἐργάζωνται τὴν προδωρηθεῖσαν τῇ μονῇ γῆν*), находиться в полном подчинении у монахов (*δουλεύωσι τοῖς μοναχοῖς*), не зная никакого другого господина (*μηδὲνα ἕτερον δεσπότην ἐπιγινώσκοντες*).

⁷⁷ L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié. Изв. Русск. Арх. Ин-та в Константинополе. VI (1900), стр. 1—46.

⁷⁸ M. G. Platon. Observations sur le droit de *πρωτίμησις* en droit byzantin. Paris, 1906, pp. 52—54.